

«Нашествие 1238 – 2023» (Коренблиг – Чухонцев)

1. Часть 1 – 5.14
2. Часть 2 – 1.43
3. Часть 3 – 3.08
4. Часть 4 – 4.17
5. Часть 5 – 4.35
6. Часть 6 – 5.26
7. Часть 7 – 4.32
8. Часть 8 – 3.28
9. Часть 9 – 2.25
10. Часть 10 – 1.18
11. Часть 11 – 3.12
12. Часть 12 – 6.57

Общее время звучания – 46.15

СОДЕРЖАНИЕ**1. Часть 1**

За лесами за зимними —
ни огня, ни жилья.
Глянь озерами синими,
выйди, радость моя!

Вечно песня не вовремя,
Хочешь, я подпою?
Из огня да и в полымя,
а не то — в полынью.

Не по мерке свобода нам,
нам, в чужие края
занесенным, запродаанным,
вечна воля твоя.

За борами за дивьими
тишь такая — аж звон.
Грянь ручьями да льдинами
на распутьи времен.

Пусть кручины изглядятся,
как морщины с лица.
Встань же, радость-красавица,
супротив молодца!

*Развевается на ветру волос.
Наливается поутру колос.
Подымись с крыльца на забрало.
Помолись за отца и за брата.
А мы тоже не бьем баклуши.
А и пьем-то мы не по чину.
Нальем первый ковш да осушим*

Да приступим к зачину.

2. Часть 2

Базарный день на площади:
Возы, возы, возы,
купцы, земляне, лошади,
аршины да весы.

Горят румянцы девичьи
и по плечам платки.
Проходят шубы беличьи,
худые армяки.

Все хваты да работники
и речью не глумцы:
и кузнецы, и плотники,
и златокуэнецы.

Кричат товары хитрые.
играет бирюза,
а бусы малахитовые —
разбегись глаза!

Берешь сережки суженой?
Берем! — и руку в бок
да топ колодкой суженой,
аж побелел сапог.

Не в Киеве, не в Суздале,
а посреди Торжка
не отлетел бы с удали
каблук от сапожка!

3. Часть 3

Над городом, над гомоном
кабацкий смех и плач,
Туда ходили гоголем,
оттуда — окарачь.

Уважишь пивом-брагою —
и воздадим вином.
Полы под пьяной братией
ходят ходуном.

Кончане закуражатся,
нальют — не донесут.
Ой, головы закружатся!
Ой, ноги не спасут!

Гуляет свет по маковке.
Гуляет гульнем голь.
Посадского — по матушке!

А кто над ним? Изволь!

Вчера свое недопили,
так уж теперь возьми!
А завтра ляжем во поле
грешными костями.

Что ты ходишь враскосяк,
присядь к другу.
Ох, силен синяк
под пьяную руку!

А не стоишь синяка,
ступай к Богу!
Он, земля зыбка
под пьяную ногу!

*И мы подсядем к коржнику,
Подсядем, а засим
Нальем еще по ковшику.
Выпьем да заку-сим.
Нам сказ держать.
Нам песни петь,
Нам надо голову иметь.*

4. Часть 4

Теплым-теплый, без шапки, без денег
выходил Егорка-весельник.
В домотканых портках да в опорках
выходил прохладиться Егорка.

Рассыпал он присловицы горохом,
знать, недаром слыл первым скоморохом.

Шутка шуткой, а правда-то смекается.
Ходит, чешет язык, насмехается,
ходит, чешет язык, насмехается,
на ворота именитые сморкается.

Говорит что говорят,
ну да мало ль говорят?

Мол, посадник — молодец,
праведник - сусальник.
В каждой горнице малец —
вылитый посадник.

Говорит что говорят.
мол, напрасно говорят.

У попа всего приход —
попадья с поповной.

а и тот дает приплод —
борова с попоной.

Слепнет курица. День смеркается.
Шутка шуткой, а правда-то смекается.

Тут и взяли шутника под локотки
по словечку сердобольного посадника,
взяли под руки, задрали портки
да и выбили всю пыль из охальника!

*Ой ты, ласка моя,
Складень в три образка.
Ой ты, сказка моя,
Сказка-присказка.
Что ты, присказка.
Глядишь зелено
И не высказать.
И не велено.*

*Чем начать мое слово,
Чем начать?
То ль в молчанку играть.
То ль кричать.
Грянет колокол чуть свет,
Крикнет кочет
Начинать-то начнешь.
Да чем кончишь?*

5. Часть 5

Не брех над ухом скомороший,
не бой кулачный: кол кола! —
с заутрени звонарь-сполошник
раскачивал колокола.

Качал, оглохши от ударов.
Шли веси на тревожный зов,
Всполох был шире всех базаров,
мощнее медных голосов.
Кипи, молчанье гробовое!
Мятись, народная беда! ...
...Идет нечистый с татарвою.
Грядет несметная Орда...
.....

У Батья, у сучьего сына,
сорок жен молодых.

У Батья, у сучьего сына,
тьма коней вороных.

У Батья, у сучьего сына,

туча сабель кривых.

Я не знаю, что лучше: согнуть
аль остаться в живых?

.....

Слиплись свечи в огарки,
а горели высоко.
То ль на ноги — ногавки,
то ль на череп — сокол.

Веселы вы. денечки,
аж охрипли от крику.
То ли выкуп — на бочку,
то ли голову — на пику.

6. Часть 6

Ох, не ровен час, смолкла горлица.
Шестикрылец за горлицей гонится.
Ох, черна тоска в белой горнице.
Сам Никита Ильин горбом горбится.

Не братина ходит по кругу, не складчина.
Думу думает купеческая братчина,

Бородатые да носатые,
крепколобые, крепкозадые.
Беда бороде:
смуты в го-ро-де.

Что ты хмуришься?
Что ты прячешься?
Не откупишься.
Не отплатишься.
И мощной плати,
и женой плати,
а запросят недоимку —
головой плати!

Не братина ходит по кругу, не складчина.
Хорохорится купеческая братчина.

Православные, честные,
кунья шуба, волчья сыть.

— Наб тощиться для Батя,
ручку им позолотить.
Ох, да горлица не слышна,
Ох, да в горнице тишина.
Засопели, как засовы, носы.
Золотишко высыпай на весы.
Заскрипели лавки, как на помин.

Встал посадник Никита Ильин.

Он глазами полоснул по глазам;
бородою он кивнул бородам.

— Если с женами больше не жить —
не возропщем.

— Если головы надо сложить —
не возропщем.

— Но поди затяни поясок,
если наг с головы и до ног,
ай удавка честному народу —
лучше в воду!

Расползаются круги по воде.
Закивала борода бороде.

— Прав посадник.

— Будем локти кусать.

И посадник рассудил:

— Отказать!

7. Часть 7

А и что теперь городить огород,
многодумный князь, собирай народ.

Развязав мошну у ночных ворот,
подались купцы в мощный Новгород.

А ночи тихи,
тише тихого.
Из воды сухим?
Лихо вам?

Сомкнешь уста —
не сомкнешь веки.
Глядь, с утра в ворота —
сбеги, сбеги.

Ни хоругвь не спасет, ни собор,
если сабля твоя не востра.
Владимир — горящий костер.
Рязань — круг от костра.

С поля туча ползет с голосами.
А Князь-Новгород глух за лесами.
А и что теперь городить огород.
Эй, Никита Ильин, ополчай народ!

Молчуны, говоруны, бояре, смерды,
мы у жизни не равны,

Равны у смерти.

Сеча теменью по темени — как мачеха нежна
и отдал бы башку, да самому нужна.

Чем заплатим, гадать не берусь,
головою заплатим аль боком.
Не за князя стоим, а за Русь!
Не попом укрепились, а Богом!

*Если жизнь одна.
То и смерть одна.
Если ковши пустой,
Наливай вина.
Черный ворон пролетит.
Бросит перышко
В снег пуховый
На удел роковой.
Опрокинем-ка третью до доньшка.
А потом — по губам рукавом.*

8. Часть 8

Что молодцу слава посмертная,
да знать бы: без сраму живу.
Последняя ночка. Последняя.
Жалей молодую жену.

Подумать, и года не прожили,
а сразу слюбились на жизнь.
И вот уж под Матерью Божией,
под Спасом — во гробы ложись.
А были денечки не промахи.
Не вам ли, медовым, пришлось
ослепнуть от белой черемухи,
под ливнем промокнуть насквозь.

Сон короток, он намечается
под утро, а где тут до сна.
Нет ветра, а ветка качается.
Не спит молодая жена.

9. Часть 9

Воины — в сборе.
Кони — в сбруе,
Помолись в соборе
да в землю сырую.

Дьяки — в рясах.
Попы — в ризах.
Спаси, Спасе,
исход близок.

Хоругви, свечи.
По коже мороз, поди.
Постоим на сече,
Господи, Господи!

Голубь без голуби —
голубь сирый.
Господи, Господи,
дай силы!

Широко поле,
да узка тропка.
Стыдись не воли,
а глядеть робко.

Песни грустные,
а мечи в крови.
Родина, Русь моя,
благослови!

10. Часть 10

Стрелы ли на небо взмыли,
головы ль наземь упали,
звон ли расходится или
плат расстилают печали —

зова не слышно Зовущего,
да и откликнуться нечем,
кроме как клекота, рвущего
сердце и пьющего печень...
.....

11. Часть 11

Лают лисы, воют волки, кружит галенье.
Две недели отбивается Торжок.
Ой вы, светы мои, близкие и дальние.
Губы стынут. На губах — снежок.

В стенах стрелы, в стенах стоны, стены низкие.
На ордынца лей кипящую смолу!
Ой вы, светы мои, дальние и близкие,
бьет таран, и татарье — в дыру.

Пока старость, пока молодость жива еще,
стой до хрипа, стой у смерти на краю.
Здесь я, с вами, в осажденном и пылающем,
на избитье, зубы сжав, стою.

Рубят старых, режут малых, крики в воздухе.
Дым стоит, и пух летает во дворах.
Едет знамя на коне девятихвостое,
едет знамя о пяти углах.

— Вот и срок пришел. Расстанемся, как водится.
 — Прощевай, талань. Прощай, лихой Торжок.
 Ты прости-прощай, несуженая вольница.
 Губы стынут. На губах — снежок...

12. Часть 12

Полыхали пожары,
 не стихали пять дней.
 Уводили татары
 за Волгу коней.

Кони ржали в трясиных,
 был разлив на носу.
 Как вдова голосила
 неясить в лесу.

Где Егорка безотчий?
 Где Никита Ильин?
 Ворон выклевал очи,
 веет пепел один.

За семью ли веками
 от низин да болот
 топь испарит облаками
 и татарник взойдет.

Над забытым колодцем,
 над зацветшей водой,
 встань обугленным солнцем,
 крестный полдень мой!

Скачи иноходцем за поле,
 синицей лети за моря,
 моя молодая неволя,
 плененная песня моя.

Осталась.
 Склонилась и плачешь.
 Над бурой крапивой стоишь.

Скачи!
 А куда ты ускачешь?

Лети!
 А куда улетишь?